

ки, принявшіе легенду съ величайшимъ одушевленіемъ...

Левъ Николаевичъ думалъ, что въ крестьянствѣ люди добрѣе, нравственнѣе, и очень любилъ подтвердить это примѣромъ изъ дѣйствительной жизни.

— Вотъ сегодня какой случай со мной былъ, — рассказывалъ онъ какъ-то, сидя среди насъ въ крохотной избенкѣ въ „Овсяникахъ“, въ небольшомъ хуторкѣ, гдѣ мы тогда жили, верстахъ въ пяти отъ „Ясной Поляны“. — Приходятъ сегодня ко мнѣ двѣ бабы за помощью: мужья у обѣихъ на войнѣ, много дѣтей, а коровы ни у той, ни у другой нѣтъ. Ну, распросилъ, далъ имъ кое-что, а на счетъ коровы, говорю, на-дняхъ самъ приѣду и посмотрю. Только онѣ простились и ушли, какъ является одинъ знакомый мужикъ, который хорошо знаетъ обѣихъ; спрашиваю — онъ все подтверждаетъ: коровы нѣтъ ни у той, ни у другой, но у одной восемь человѣкъ дѣтей, а у другой трое. Я попросилъ его тотчасъ же воротить ту, у которой восьмеро дѣтей, чтобы дать ей на корову 30 рублей: недавно какіе-то русскіе, живущіе въ Шанхаѣ, прислали мнѣ для помощи семьямъ, пострадавшимъ отъ войны, рублей 400, изъ которыхъ у меня и осталось какъ разъ 30 рублей. Я сказалъ ему воротить только одну, а то, думаю, будутъ эти косые взгляды, неудо-